

Я.Ю. Шашкова

Политическая пропаганда как средство мобилизации масс в теории революционных народников 60–70-х гг. XIX в.

XX в. стал веком превращения масс в постоянного и зачастую основного субъекта политического процесса, участвующего в принятии политических решений, выборах, революциях, войнах, акциях протеста и т.д. В связи с этим остальные политические акторы для достижения своих целей вынуждены либо искать поддержки у масс, либо управлять ими с помощью различных средств мобилизации. Одним из основных среди них является пропаганда как «систематически осуществляемые усилия повлиять на сознание индивидов, групп, общества для достижения определенного, заранее намеченного результата в области политического действия» [1, с. 320].

Большой вклад в развитие теории пропаганды внесли русские революционные народники 60–70-х гг. XIX в., для которых революционная пропаганда в форме распространения социалистических идей и просвещения как способ подготовки революции являлась одним из наиболее значимых направлений деятельности.

Следует отметить, что народническая теория пропаганды восходила, как нам представляется, к философии просвещения XVIII в., основным положением которой выступал тезис о том, что человек как разумное существо, способное учиться на ошибках, по природе своей добр и т.д. Люди совершают те или иные ошибки и преступления не потому, что они злы, а исключительно под влиянием страсти, аффекта или же от неразумения, непонимания своих истинных интересов. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы объяснить людям их истинные интересы, что заставит их действовать более рационально, более нравственно.

Исходя из этого сформировались и концепции русского политического просвещения конца XVIII–начала XIX в. В этот период ряд общественных деятелей и мыслителей, таких как И.П. Пнин, В.В. Попугаев и др., стали рассматривать просвещение как важнейшее средство консолидации и преобразования общества, правда, на началах либерализма. По их мнению, только в просвещенном обществе возможно достижение цели общественного развития, понимаемой как «величайшее блаженство величайшего числа людей», т.е. просвещение – это тот путь, который неотвратно ведет к счастью народа. Ведь просвещенный народ станет сам беспокоиться о своем благополучии, находить средства, ведущие к счастью, реально оценивать недостатки и преимущества своего правления [2, с. 289, 293].

При этом, раскрывая содержание процесса просвещения, видный представитель этой плеяды В.В. Попугаев выделял в нем семейный и общественный элементы, замечая, что даже самое хорошее семейное воспитание не способно сделать людей совершенными гражданами. Это задача общественного воспитания, которое, по нашему мнению, имело много общего с пропагандой и осуществлялось в трактовке Попугаева по двум направлениям: моральное и политическое. Первое призвано сформировать у человека понятие о двух семьях – родительской и общегосударственной, – разъяснить ему обязанности по отношению к согражданам и тем самым утвердить в нем чувство Отечества. Политическое же воспитание должно объяснить каждому причину его обязанностей по отношению к обществу, помочь соразмерить общее благо со своей собственной пользой, научить его средствам служения обществу с большей выгодой для граждан и для него самого, а также вызвать желание счастья и благоденствия государству [3, с. 314, 319–320].

Другой заслугой мыслителей рубежа XVIII–XIX вв. (А.С. Лубкина, П.И. Пнина и др.) стала формулировка принципов и методов ведения пропаганды. Так, любая идея, обращенная к обществу, должна быть естественной, легкой в восприятии, ясной и иметь определенные доказательства [4, с. 114–115]. Лучшим же способом распространения идей были признаны школьное обучение и воспитание [5, с. 214].

Таким образом, несмотря на то, что русские просветители выступали за пропаганду либеральных идей и правовое воспитание, предложенные ими методы их проведения с успехом использовались для революционной пропаганды. Да и понимание ее сущности народниками было аналогичным, о чем свидетельствуют работы теоретика «пропагандистов» П.Л. Лаврова.

Первенство в осознании необходимости пропаганды принадлежит Н.П. Огареву и Н.В. Шелгунову. Под пропагандой ими понималось народное образование [6, с. 77], подготовка к крестьянскому восстанию путем распространения нелегальной литературы (печатная пропаганда) и бесед в народе и армии (устная пропаганда). Ее цель состоит в том, чтобы приучить народ к самой мысли о возможности свержения самодержавия, к тому, что мужик – такой же человек, как и барин: «Говорите чаще с народом и с солдатами, объяс-

найте им все, что мы хотим, и как легко всего этого достигнуть: нас миллионы, а злодеев сотни. Стащите с пьедестала в мнении народа всех этих сильных земли, недостойных править нами; объясните народу всю незаконность и разврат власти; приучите солдат и народ принять ту простую вещь, – что из разбитого генеральского носа течет такая же кровь, как из носа мужицкого» [7, с. 316].

Для этого Огарев предлагал использовать в первую очередь легальные возможности развертывания пропаганды, такие как устройство школ, библиотек и т.п. «Всегда, – подчеркивал он, – когда общество может, не подвергаясь опасности, то ли с дозволения правительства, учредить что-либо публично, оно должно пользоваться случаем так, чтобы таинственность действий была только крайнею необходимостью самосохранения, а где можно – действовать откровенно, но предпочитать пути откровенности и хвататься за них всегда, когда выпадает случай. Мистицизм конспиративный должен быть изгнан и сведен на предусмотрительную осторожность» [6, с. 59].

Подобным же образом понимали пропаганду и участники «Земли и Воли» 1860-х гг. «Писать, писать много и понятно народу; заводить тайные типографии, распространять печатное в народе и войске: обучать крестьян и солдат, ...ввозить заграничные издания», – призывал своих единомышленников Н.А. Серно-Соловьевич [8, с. 238].

Кроме того, именно землевольцы впервые связали пропаганду и организацию, представив последнюю как результат воздействия на массы печатным и устным словом и в то же время как необходимое условие его осуществления: «Наша пропаганда должны быть направлена на формирование стойких и умелых проводников революционного промысла в народ, на образование потребной для народного дела сплоченной организации из всех находящихся под руками и в разброс революционных элементов» [9, с. 368].

Таким образом, в первой половине 60-х гг. XIX в. в народнической литературе обозначились две функции пропаганды: просветительско-агитационная и организаторская. В дальнейшем они будут раскрыты, уже применительно к ситуации семидесятых годов, теоретиком «заговорщиков» П.Н. Ткачевым как деятельность по отношению к интеллигенции и народу (агитационная) и революционной молодежи (организационная) в целях убеждения последней в настоятельной необходимости практической революционной работы в рамках прочной, дисциплинированной партии [10, с. 38–39]. А также были определены две формы пропаганды: устная, в виде народного просвещения и выступлений перед массами, и печатная в форме прокламаций.

О первоочередности пропаганды как средства образования революционных групп и партий говорил П.Л. Лавров. По его мнению, она выполняет функции формирования революционного сознания, рекрутирования членов партии и сплочения их в единую организацию [11, с. 40].

Исходя из этого теоретик «пропагандистов» выделял несколько направлений революционной пропаганды. Во-первых, это «проповедь» социального переворота в народе уже сформировавшимися пропагандистами. Во-вторых, это самообразование и самовоспитание формирующихся пропагандистов, направленные на более полное и четкое усвоение ими начал рабочего социализма и понимание путей его достижения. В-третьих, пропаганда должна способствовать привлечению новых членов в социально-революционную партию, разъясняя ее программу, особенности российской политической системы и условия деятельности партии исходя из этих особенностей. И, наконец, часть пропаганды направлялась на общество, не относящееся к сторонникам партии, показывая им бесперспективность существующего режима, бессилие либеральных партий, а также цели и основы революционного движения. Тем самым, по мнению Лаврова, подготавливалась почва для организации революционной партии в России и облегчалась ее деятельность [12, с. 491].

Базисом развертывания этой широкомасштабной программы мыслитель, так же, как и русские просветители начала XIX в., считал просвещение, рассматривая его как одну из форм пропаганды. Знание, под которым Лавров понимал фундаментальные теоретические представления из области различных наук, виделось ему самым могущественным средством революционной борьбы, а его отсутствие – помехой революционному движению, фактором его ослабления и вообще замедления общественного прогресса. Обращаясь к интеллигенции, он указывал, что народ, не имеющий знаний, должен приобрести эту силу знаний в ней. «Лишь строгою и усиленную личную подготовку можно выработать в себе *возможность* полезной деятельности среди народа. Лишь внушив народу доверие к себе, как личности, можно создать необходимые *условия* подобной деятельности. Лишь уясняя народу его потребности и подготавливая его к самостоятельной и сознательной деятельности для достижения ясно понятных целей, можно считать себя действительно полезным участником в современной подготовке лучшей будущности России» [13, с. 29].

В то же время именно это положение вызвало широкое противодействие в народнической среде, как среди теоретиков, так и среди молодежи – членов народнических организаций. М.А. Баку-

нин с сарказмом говорил, что полиция не допустит открытия профессорских кафедр в деревнях для пропаганды революции. П.Н. Ткачев же обвинил Лаврова в том, что он хочет не революции, а мирного прогресса. Знания, считал он, как раз и являются необходимым условием этого прогресса; они создают прогресс, но не создают революции. Он находил вредным для революции призыв Лаврова к пропагандистской деятельности, так как, идя по нему, молодежь будет не приближаться, а удаляться от революции, будет работать не для торжества революции в настоящем, а во имя мирного прогресса в будущем, а также потому, что он подрывает веру молодежи в ее силы, в возможность непосредственной революционной деятельности, в возможность самой революции в ближайшем будущем [10, с. 16, 22–23, 29].

На наш взгляд, в позиции Ткачева есть рациональное зерно. Задача всеобщего народного образования по полной программе, поставленная Лавровым, в условиях России второй половины XIX в. была либо вообще неосуществима, либо могла быть реализована в течение не одного десятилетия. С другой стороны, мы согласны с теоретиком «пропагандистов», что осуществление революции и построение нового общественного устройства возможно лишь при наличии грамотного народа, осознающего свои цели и пути их достижения, и руководящей группы, знающей законы общественного развития, принципы и методы управления общественными системами.

Следует заметить, что рассуждения П.Л. Лаврова о пропаганде не носили отвлеченного характера. В его работах четко выделены основные формы ее ведения: устная и печатная пропаганда, а также школы и поселения в народе. Отмечая невозможность в России выступления на митингах, открытого издания и распространения книг и брошюр, он предлагал обратить эту невозможность в свою пользу. Ведь речь человека, рискующего собой для своей идеи, листок, против которого ведет войну целое государство, всегда вызывают эмоции. Для одних подобный оратор – сумасброд или преступник, для других – апостол или герой. Но в любом случае он вызывает возбуждение, привлекает внимание, что действует значительно сильнее, чем спокойное рассуждение [12, с. 492].

Устная пропаганда, считал Лавров, была возможна в России лишь в небольших кружках или один на один. Однако она не должна ограничиваться спорами, речами и лекциями, а включать все формы художественного и ярмарочно-балаганного творчества. Песня, сказка, анекдотическая быль понятны народу, а потому становятся действенным средством обвинения старого порядка и уяснения нового. В связи с этим члены революционной

партии, обладающие хоть в некоторой доле литературным талантом, должны быть привлечены к разнообразным формам этой устной «беллетристической» пропаганды массам, не всегда понимающим прямые теоретические рассуждения [14, с. 343].

Другой формой была печатная пропаганда посредством нелегальной литературы и прессы. С горечью констатируя различие в положении революционной прессы в России и на Западе (невозможность издания на территории России, длительный период доставки, отсутствие постоянных подписчиков и т.д.), Лавров, вслед за Н.П. Огаревым, признавал ее огромное значение. Несмотря на все сложности, она, по его словам, выполняет две функции: функцию «постоянной адвокатуры» рабочего социализма и социальной революции и функцию интеграции их приверженцев, их опоры в своей деятельности [15, с. 525].

В народной среде печатная пропаганда имела, конечно же, меньшее значение ввиду малограмотности народа, поэтому нелегальная литература в основном ориентировалась на сторонников и членов революционных партий, а также молодежь и интеллигенцию как ее потенциальные кадры. Первые подобные статьи и брошюры должны были обеспечивать информацией для их деятельности, сведениями по специальным вопросам организации революционных сил, по спорным теоретическим и практическим вопросам. Для вторых же литература носила совершенно иной характер и включала в себя сжатые и общепонятные «руководства по всем элементарным вопросам рабочего социализма». Большое значение Лавров придавал и полемической литературе, призванной оградить социалистов от нападков и клеветы со стороны противников [12, с. 497–500].

И, наконец, еще одним методом ведения пропаганды Лавров считал поселения революционеров в общинах и рабочих артелях. Особого внимания он ему не уделял, отмечая лишь, что, находясь в самой гуще народной жизни, «революционеры приобретут солидарность и для своего союза» [16, с. 108].

Что же должны делать революционеры «в народе»? С одной стороны, из местных революционных организаций должны, по мнению теоретика «пропагандистов», «разливаться» волны «пропаганды», разъясняющей начала «рабочего социализма»; волны «агитации, возбуждающей массы, не уверенные в своих силах, против порядка, который обрек их на страдания и гибель». А с другой – революционеры должны сдерживать попытки «преждевременных местных бунтов» [17, с. 129–130].

Здесь, как мы видим, проявилось влияние А.И. Герцена, который первым (в 1861 г.) бросил этот лозунг «В народ!», и М.А. Бакунина, повто-

рившего его в 1868 г., но уже с иным содержанием. «Но куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку? – писал Герцен в статье по поводу университетских событий 1861 г. – Прислушайтесь – благо тьма не мешает слушать – со всех концов огромной родины нашей: с Дона и Урала, с Волги и Днепра, растет стон, поднимается ропот – это начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями, страшно утомительного штиля. В народ! К народу! – вот ваше место, изгнанники науки» [18, с. 918].

Для М.А. Бакунина же «идти в народ» означало будить в нем сознание его стихийной силы с целью вызвать то здесь, то там – где удастся – вспышки и волнения, приучать массы к бунту: «Итак, молодые друзья, бросайте скорее этот мир, обреченный на гибель, эти университеты, академии и школы, из которых вас гонят теперь и в которых стремились разъединить вас с народом. Ступайте в народ. Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука... Не хлопчите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель. Наука же, новая и живая, несомненно народится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа» [19, с. 21].

Как мы видим, в своей трактовке «хождения в народ» П.Л. Лавров ближе к А.И. Герцену, звавшему интеллигенцию в народ для пропаганды в нем социалистических идей, чем к М.А. Бакунину, ждавшему от данной акции непосредственного революционного действия и призывавшему интеллигенцию не учить народ, а учиться у него.

С второй половины 70-х гг. XIX в. теоретик «пропагандистов» все настоятельнее стремился дополнить пропаганду агитацией, расширить сферу воздействия на личность и массы, активизировать само это воздействие. Однако следует отметить, что содержание агитации у Лаврова существенно отличалось от ее современного понимания как пропагандистской деятельности с целью побуждения отдельных групп или масс к политической активности. Именуемая «пропагандой действием», она являлась разновидностью революционного насилия и должна была помочь уничтожить препятствия на пути «пропаганды словом» и «рабочей организации». Помимо этого, «пропаганда действием» в виде постоянных волнений, не переходящих в бунты, служила в некотором роде воспитательным средством для народа. Не являясь целью революционной борьбы, она приучала бы народ к мысли о враждебности к нему «эксплуататоров» и чиновников, озлобляться от всех ударов, непрерывно падающих на него. В то же время, в случае угрозы перерастания волнения в бунт, пропагандист делом (агитатор) превращался

в пропагандиста словом, чтобы разъяснить бессилие частного бунта и его неэффективность [17, с. 136–137; 20, с. 7]. «Ни один бунт, ни одно нападение на существующий порядок, – говорил Лавров о взаимосвязи пропаганды словом и делом, – не могут иметь серьезного значения даже в случае удачи, и самое блестящее дело не может быть действительным, если не существует надлежащим образом обработанной почвы, чтобы воспользоваться бунтом, нападением, блестящим делом в определенном направлении, если не подготовлены вольные или невольные пособники и сочувствующие. Но все это может быть лишь делом пропаганды словом живым, писанным или печатным. Пропаганда делом не могла и не может иметь никакого существенного, исторического или даже агитационного смысла, если она не опирается на пропаганду словом» [20, с. 9].

Существенно новым в постановке вопроса о пропаганде было обоснование Лавровым еще одной формы – «пропаганды примером», понимаемой им как «обыденная жизнь, согласованная с социалистическими убеждениями» [20, с. 12]. Он считал, что эта форма пропаганды не зависит ни от темперамента, ни от подготовки специалистов. Она доступна всем, но в то же время она имеет исключительное значение, так как «правда жизненная» намного доступнее «правды мыслимой». Проповедь человека действует на немногих, а вот то, как он живет, менее заметно, но более прочно действует на массы. В связи с этим пропагандист не только должен быть сам образцом социалистической личности, но обязан вооружиться знанием соответствующих примеров и делать их достоянием масс. По мнению Лаврова, такая пропаганда примером из обыденной жизни является «самым могущественным агентом пропаганды словом и очень часто превосходит, по своему влиянию, самую энергическую агитацию против существующего зла» [20, с. 11].

Примечательно, однако, что он отвергал идею создания всякого рода социалистических моделей и экспериментальных коммун и использования их для пропаганды. Он осуждал это «бегство в пустыню», стремление отделиться от несовершенного общества.

Таким образом, в работах П.Л. Лаврова пропаганда рассматривалась как важнейший, ключевой метод подготовки социальной революции, от эффективности ведения которой, в конечном итоге, зависит и судьба самой революции. Осуществляемая в разных формах, разными средствами, она имела, по мнению идеолога «пропагандистов», одну цель – просветить народ, показать ему идеал социализма и пути его достижения, которые просвещенный народ сделает целями своего существования

ния. Выделяя три формы пропаганды в арсенале революционной партии, П.Л. Лавров указывал, что ни одна из них не может быть исключительной. Все они требуют одинакового внимания и лишь в сочетании могут дать необходимый результат.

О важности пропаганды как средства организации и агитации революционных сил говорил и теоретик «заговорщического» направления П.Н. Ткачев. Ведущую роль в этом процессе он отводил печатному органу революционной партии, выполнявшему две функции: с одной стороны, он должен призывать партию к деятельности, разъяснять ей пути этой деятельности, развивать и защищать ее программу, содействовать ее сплочению и ее организации, а с другой – он должен служить в ее руках практическим средством борьбы с установленным порядком, средством революционной агитации» [10, с. 30]. Как мы видим, Ткачев не ставил перед ним задачи просвещения, за что он, как указывалось выше, подвергал жесткой критике П.Л. Лаврова. По его замыслу, партийный орган должен не столько заботиться о теоретическом разъяснении и философском понимании принципиальных несовершенств данного порядка вещей, сколько о возбуждении к нему ненависти и о накоплении и распространении во всех слоях общества чувств недовольства, озлобления, желая перемен [10, с. 36]. Другим различием концепций пропаганды Ткачева и Лаврова стало определение ими времени ее развертывания. Признавая неосуществимость без пропаганды со-

циальной революции, теоретик «заговорщиков» считал, в отличие от «пропагандистов», что пропаганда должна не предшествовать революции, а вестись после нее, когда политическая власть будет находиться в руках социально-революционной партии [10, с. 97]. Это было обусловлено тем, что Лавров рассматривал политическую революцию составной частью социальной, осуществляющейся параллельно. Ткачев же разводил их во времени, определяя социальный переворот как результат деятельности уже революционного государства. Именно этот период между политической и социальной революциями и становился, по его мнению, периодом социалистической пропаганды. Развертывание же ее до политического переворота неминуемо привлечет внимание к партии как со стороны властей, вызвав репрессии, так и со стороны общества, вызвав нарушение конспирации. В любом случае, таким образом, пропаганда приведет к краху партии и дела революции в целом [10, с. 220].

Таким образом, пропаганда как метод просвещения, организации и агитации признавалась теоретиками народничества 60–70-х гг. XIX в. одним из основных средств мобилизации масс при подготовке и осуществлении революции. Многие из разработанных ими технологических приемов ее ведения не потеряли своей актуальности и используются в современном политическом процессе в целях организации массового участия в нем и придания этому участию конструктивной направленности.

Литература

1. Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993.
2. Попугаев В.В. О благополучии народных тел // Русские просветители. Т. 1. М., 1966.
3. Попугаев В.В. О политическом просвещении вообще // Русские просветители. Т. 1. М., 1966.
4. Лубкин А.С. Начертание логики // Русские просветители. Т. 2. М., 1966.
5. Пнин П.И. Опыт о просвещении относительно к России // Русские просветители. Т. 1. М., 1966.
6. Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 2. М., 1952.
7. Шелгунов Н.В. К молодому поколению // Утопический социализм в России. М., 1985.
8. Серно-Соловьевич Н.А. Ответ «Великоруссу» // Публицистика. Письма. М., 1963.
9. Утин Н.И. Пропаганда и организация // Литературное наследство. Т. 87. М., 1977.
10. Ткачев П.Н. Соч.: В 2-х т. Т. 2. М., 1976.
11. Лавров П.Л. Общие законы приготовления социальной революции // Вперед! Двухнедельное обозрение. 1876. №23.
12. Лавров П.Л. Формы социально-революционной пропаганды // Вперед! 1876. №39.
13. Лавров П.Л. Вперед! – Наша программа // Революционное народничество семидесятых годов XIX в. Т. 1. М., 1964.
14. Лавров П.Л. Государственный элемент в будущем обществе // Избр. соч. на социально-политические темы. Т. 4. М., 1935.
15. Лавров П.Л. Роль периодической прессы в социально-революционной пропаганде // Вперед! 1876. №40.
16. Лавров П.Л. Невозможные и возможные пути к социальной революции // Вперед! 1876. №40.
17. Лавров П.Л. Задачи организации социально-революционных сил в России // Вперед! 1876. №40.
18. Герцен А.И. Исплин просыпается! // Колокол. Вып. IV (1861 г.). М., 1962.
19. Цит. по: Левицкий В. Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. М.; Л., 1928.
20. Лавров П.Л. Роль и формы социалистической пропаганды. Женева, 1900.